

84(2P=Баки)

Б 374

106 81 32 АБДУЛЛАХ БЕГИЕВ

СЛОВО

1068132

АБДУЛЛАХ БЕГИЕВ

СЛОВО

КНИГА СТИХОВ

Перевел с балкарского
Георгий Яропольский

Над. Балкар. гос. ун-та, науч.-иссл. центр

И. К. Крутой

г. Нальчик, ул. Ногмова 42

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК-1986

С(Балк)2
Б 374

Абдуллах Бегнев — балкарский поэт, родился в 1950 году. Окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет и Высшие литературные курсы в г. Москве. Был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей. Автор нескольких поэтических сборников на родном языке.

Член Союза писателей СССР.

«Слово» — первая его книга на русском языке.

Б $\frac{4702100000-082}{М 125 (03)-86}$ 56-86

© Издательство «Эльбрус», 1986 г.

ЛУНА

*Я знаю: свет не исчезает!
...Луна завесу туч пронзает
за миг неслышного рожденья
летучей искорки в золе,
за миг, в который скалы могут
неуловимо глазу дрогнуть,—
и нет прекрасней украшенья
у небосвода на челе!*

*Луна! Как птица, ты парила,
легка, воздушна, белокрыла,
спускалась, взмахи крыл замедлив,
на ветви замерших деревьев —
и, вострепнувшись, вновь взлетала,
плыла, парила и витала...
Но чей прицел, тебя заметив,
не сбился, свет не пожалев?!*

*Как тонут корабли большие
в безбрежной океанской шири;
как за день до цветенья вишни
прощально тает поздний снег,—
без шума, гордо, молчаливо
(не камнем, прянувшим с обрыва)
ты падала — с тоской по жизни,
но с верой, что и смерти — нет.*

*Ты падала, не умаяясь,
в лице нимало не меняясь,*

не отдавая дань рыданиям,
без слез, без жалоб, навсегда...
К земле влекома тяжким грузом,
созревшим треснула арбузом,
омыв сияньем первозданным
дороги — горы — города...

Я знаю: свет не исчезает!
Вот — солнце дымку туч пронзает
за миг неслышного рожденья
летучей искорки в золе,
за миг, в который скалы могут
неуловимо глазу дрогнуть, —
и нет прекрасней украшенья
у небосвода на челе!

I

ВСЕ—РЯДОМ

«Люблю свою землю», — но, может, здесь
пафос нелеп?
Никто ведь: «Я воздух люблю!» — не заявит
с помоста.
Никто ведь признанья не сделает: «Я люблю
хлеб».
Всё это естественно. Необходимо. И просто.

Сказать: «Боль других понимаю», — опять же,
смешно.
Кто ж это считает заслугой? Скорее,
спасеньем!
Порою покажется: «Всё, мне не
выбраться...» — но
забудешь о боли своей, помогая соседям.

...Когда, от бумаг оторвавшись, на мать
посмотрю,
я думаю: что за нелепицы я говорю...

* * *

Ты от огня ли родом, человек,—
огня, что то ревет, то тлеет чуть,
то зло чадит, а то готов уснуть?

Ты от огня ли родом, человек?

То тлея, то пылая,— так весь век
живу — тепло и свет даря одним,
другим — неся ожоги, едкий дым...

Огонь ли я, чье имя — человек?

Золой тускнеют взгляды из-под век...
О, как нас гасят черствости песком,
как поджигают лживым языком!

Ты от огня ли родом, человек?

* * *

Как со скалою дерево несхоже,
как малое не спутаешь с большим,
как свет и темень — не одно и то же,
как весны — не подобья стылых зим,—
слова мои — словам других не вторьте,
мой день — не будь другому двойником...

Слова — да будут живы и нестерты,
а новый день — да будет незнаком!

СЛОВО

Ты в венах, смешиваясь с кровью,
рвалось,
 блуждало,
 жгло дотла...
То тяжело, что — куда надгробью!
То — легче перышка орла...

Насущней хлеба ты порою.
В тебе —
тоска и страсть моя.
А иногда тебя,
не скрою,
до дрожи
 ненавижу я!

Ты человека
 то возвысишь,
то — из него исторгнешь стон.
Порой —
сильней, чем он, не сыщешь,
порой —
беспомощней, чем он!

Главу склоняют пред тобою.
Мечом ты служишь — и щитом.
Готово к празднеству и бою,
быть можешь лаской —
и кнутом!

Века — клинок бы не пронзил их! —
своим лучом пронзаешь ты.

А то,
листка пробить не в силах,
ты плачешь
горше сироты...

ТРИ ДАЛЕКИХ ГОЛОСА

«Заплачешь, закричишь, запричитаешь,
прочтя скупые строки обо мне.
От горести, как свечечка, истаешь
в слезах, морщинах, ранней седине...
Не жди! Мне не прийти под нашу кровлю.
Мне больше не увидеть ваших лиц.
И дни мои, и силы вместе с кровью
на порыжелых стеблях запеклись...»

«— Приди, мой сын!— всечасно повторяя,
на склоне дня, под утро, ночью, днем,—
я жду тебя, надежды не теряя!»

«Уже стемнело, бабушка. Пойдем.»

Ходили по земле, людьми считаясь,
но в трудный час их голод миновал.
В смертельный час они целы остались,
когда других разило наповал!

Когда враги пытались на колени
поставить нас — они тряслись в тени.
Другие в битвах гибли и горели,
но выжили, как водится, они!

Порою те, кого не знали беды,
к знаменам пав, вещают, что заря
той долгожданной радостной победы
взошла над миром им благодаря!

Неужто, жизнь, кому-то это надо:
одних — чужим одаривать добром,
других — бросать на прихоть снегопада,
как топоры, отстроившие дом?!

➤

ПОБУДЬ СО МНОЮ, ДЕТСТВО...

Ты, бабушка,
 лепешек
в золе мне испеки:
не из числа истекших
вы, детские деньки!

Пусть снова повторится
твой, дедушка,
 рассказ,
где конь летит, как птица,
где месяц —
ночи глаз.

Как в детстве, по секрету,
чтоб я лишь слышать мог,
шепни мне, мама:
 «Нету
сильней тебя, сынок!»

Отец мой!
 Я — дорога,
что от тебя ведет:
чтоб верно шла и строго,
пусть детство не уйдет!

Иначе мне надежда
изменит,
 канет вдаль...

Побудь со мною, детство,
постой,
не покидай!

1068132

Наз.-Балн. ре. публн. нсч.л. науч. д.л.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

имени **В. К. Кривошеина**

г. Ленинград, ул. Ногмова 42

2 А Белнев

* * *

Горец!

Даже когда судьба тебя бросила в степь —
бескрайнюю,
ровную,
голую,—
ты, если дом возводил, обращал его окна
к горам.

ТОЛЬКО ВЕРИТЬ УМЕЙ

Все невзгоды —

забудь!

Им назло — улыбнись.

Будет труден твой путь,

коль ведет он —

не вниз.

Пусть не всем семенам

урожаем взойти,

но

отчаяться нам

не пристало в пути!

Наши тропы полны

поворотов крутых;

мы над бездной должны

виснуть —

к скалам впритык!

Будет день —

перейдешь

разъяренный поток.

Будет день —

упадешь,

лишь ступив за порог.

Но когда, словно град,

разразится беда,

ты с дороги назад

не сверни никогда.

Крест на жизни не ставь,

не сдавайся,

не стой,

от кручины не стань
весь —

как высохший ствол!
Сток будь —

как скала,
в чей хребет
хлещет град!

Все стерпи,
как смогла
мать погибших солдат!
Не уйди в никуда
из-за слов

сгоряча:
пусть не гаснет звезда,
как под ветром свеча!
Дед мой, старый Козу,
жил

от гор вдалеке,
трудно жил —
не скажу,
чтоб шагал палегке...
Но он зря не тужил:
«Потерял я очаг...»
С верой в лучшее жил —
и вдали не зачах!
Сток будь!

Наших вех
мы терять не должны.
По сей день, поседев,
мать ждет сына с войны.
Сад безлиственный ждет:
запоеет соловей...
Снова солнце

взойдет —
только верить умей!

В самой темной ночи —
хоть звезду,

да найди!

Все сначала начни —
только верь,
только жди.

Что один не поймет —
то другой различит.
Кто сейчас не придет —
завтра

в дверь постучит...

Все печали — развей!

Будет полдень

лучист...

Только верить умей

и —

терпеть научись!

ДВЕ КАРТИНЫ

1

Ждала мать сына тридцать лет.
 Травой пророс бетон
 всех дотов,
 и надежды — нет...
 Живым вернулся он.

2

Сын ясным утром тура брать
 отправился один...
 А вечером узнала мать:
 сорвался в пропасть сын.

Во дворе — весна, многоголосье,
смех и гвалт — с утра и дотемна.

Дети, дети, — всходят, как колосья!
Солнце с неба сыплет семена.

Много это, мало? Но отрада
мне — помедлить с ними, пошутить...

Человеку так немного надо,
чтоб себя счастливым ощутить.

ПЕСЕНКА МАЛЬЧИКА

Белый-белый, синий-синий,
снег на землю
 звонко лег!
То не изморозь,
не иней —
мягкий, праздничный снежок!

Все как будто стало выше,
все светлее
 с той поры,
как он выкрасил
 и крыши,
и деревья,
и дворы...

Горделивы гор осанки —
в новых шубах
 на плечах!
Снег
 в мои усеяся санки.
Снег —
 в арбах и на плетнях.

Камни —
 мягкие, как вата.
В небе — снега чехарда!
И белым-бела лопата,
как у деда борода!

Снег порхает —
я как будто
слышу песенку его...
Радость в сердце —
больше утра,
больше снега самого!

ГОРОДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Вы; деревья, так похожи на людей:
утру радуясь и ветру доверяясь,
не роняли, не клонили вы ветвей,
веря, что, назло всем бедам и на зависть,
устоите вы, и будет вам дано
всё увидеть, что увидеть суждено.

Каждой ветвью вы стремились в высоту,
каждой ветви расцвести хотелось страстно,
но — вмешались, указали вам черту,
уравняли, ограничили пространство,
в небе точку учредили: «Вот до сих!» —
позабывшие себя самих — босых...

К небосводу, что объятья распростер,
устремлялись вы, наивны и мудры.
Влюблены вы были в небо и простор!
Но секаторы, но пилы, топоры
обрубили ваши помыслы, ваш взлет,
преподав урок смиренья наперед.

Приказали вам забыть дорогу ввысь,
повелели вам поникнуть, затаиться,
только можно ли сказать: «Остановись!» —
жизни той, что в вас бунтует и струится?
Нет и нет — любой оградой обнеся,
одолеть, лишить вас дерзости — нельзя!

По указке не научитесь вы жить,
не сковать, не удержать вас страхом боли.

Корни целы — значит, вас не сокрушить,
по своей опять потянетесь вы воле,
без оглядки переступите порог
(но — что делать! — много в мире топоров).

Слезы высохнут, вы будете расти,
снова солнце в небе встретите улыбкой,
руки ввысь опять возденете, почти
навсегда забыв о власти страха зыбкой;
будет снова, как до горестной поры!
(Но секаторы, но пилы, топоры...)

* * *

С улыбкою заснув, проснешься с болью —
бывает и такое иногда.

Ни облачка как будто над тобою —
но вьюгою врывается беда.

Не доверяйся прочности хваленой
утеса, простоявшего века!

Я видел сам: могучий дуб зеленый
вмиг умертвила молнии рука...

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мурадину Ольмезову

Родной язык, ты мне — отец и мать.
Родной язык, ты кровь моя — и корни.
Я с молоком успел тебя впитать —
из песен колыбельных! До сих пор ни
на миг не расстаюсь с твоим теплом:
ты кормишь, поишь, освещаешь дом...

Снега, огонь, цветенье, камнепад —
всё сущее живет в тебе, не ссорясь.
Ты, как земля, как жизнь сама, богат!
Ты — вера моя, радость, боль и совесть,
и детство, и любовь, и лучший друг,
и в море дней — спасательный мой круг!

В чужой земле, в распахнутой степи
ты родиной мне был, ты был мне домом.
Ты, как родник, вспоил мои стихи,
и в этом роднике, давно знакомом,
всю жизнь я свежесть черпаю, учась
бессмертию, — как сын его, как часть...

ЖАЛОБА СЫНА

Дождик льет,
и льет,
и льет...

Как устал я! Надоело!
Никуда он не идет —
просто топчется без дела.
Как он скучен,
этот дождь!
Знает сам — но льется, давит...
Что к себе ты не пойдешь?
Сам себе противен,
да ведь?

А туман? Зачем на нас
навалил свою ты тяжесть?
Эх, тебе бы так хоть раз —
я б послушал,
что ты скажешь!

Вот сижу, не выхожу,
жду,
когда же вы уйдете...
Лягушонком здесь сижу,
запертым в своем болоте.

что тверд и прочен,—
я строил дом дыханием,
 теплом.

Судьба смогла разрушить и его...
Но все же как смешно ее усердье,
и как ее наивно торжество!

...я понимаю в камне,
как в соседе,
найду и там, где рядом —
никого!

КРУГ

Нас было девять в доме у отца.
И гвалт, и смех, и гомон — без конца!
Легко представить: девять малышей...
Тревог не знали. Было нам всегда
тепло среди улыбчивых вещей.
Вещей, сказал я? Если иногда
я из дому куда-нибудь да шел,
я никогда не забывал сказать:
«До встречи, печка, до свиданья, стол!»—
И им меня непросто было ждать,
моим друзьям...

В дождливые деньки
мы вместе собирались — и тогда
все в комнате давай вперегонки
скакать, плясать — сплошная чехарда!
А если слезы — дедушка входил
(никто не слышал, как скрипела дверь)
и не спеша: «Вам голодно? — стыдил.
Мы затихали.— Бродит страшный зверь?
Блуждаете в снегу на этот раз?
Вам холодно? Что значит этот плач?»—
А мы сквозь слезы видели — у нас
на небе много солнышек... И — вскачь!

Я потому все это воскресил,
что ныне, слезы горькие тая,
я голодаю — до потери сил,
но кто же спросит: голоден ли я?
Не вспоминать о доме не могу —

который год босым бреду в снегу,
что многие мечты мои занес,
надежды под собою хороня...
Никто теперь не спросит: «Ты замерз?»
Нет, никому нет дела до меня!

Я голоден — от фраз, их пустоты
(никто не спросит: голоден ли ты?),
я мерзну — чахнет солнце в вышине
(никто не спросит: холодно ли мне?).
Мир голодает — правда голодна.
Терпение исчерпано до дна!
Мир мерзнет — выжидающих полно.
Кто в схватке победит — им все равно...
Я мерзну — люди разного хотят,
друг другу лезут в души, бередают;
мне холодно — не только в холода!
Неужто правда сгинет в глыбе льда?
И слово канет — бабочкой в пургу?!
...Иду! Куда — не знаю. Я — в кругу.

ОБЛАКО

По синеве, как белоснежный парус,
скользит оно...

До нас — и дела нет!

А я, под неподвижным солнцем
парясь,
завидуя,
гляжу ему вослед...

Свободное и легкое, как память,
плывет оно —

как птица в вышине.

Что некуда пристать —
его не ранит:
без берегов
обходится вполне!

Неужто это въяве,
а не мнится?

Как ярко это облако!
Оно
несется, словно парус,
словно птица...

Так рисовать
лишь в детстве нам дано!

Куда летит бесстрашный этот парус?
Подхваченный вселенским сквозняком,
он к берегу приткнется, лишь состарясь,
лишь старость будет
в море островком...

Гляжу вослед,

печалась и волнуясь:

вся — в беге,

в мимолетном торжестве,—

была ли ты? куда ты мчишься, юность?..

О юность —

белый парус

в синеве!

СНЕЖНАЯ СКАЗКА

Выждав, покуда
уснули дома,
крадучись, в полночь
явилась зима —
стала весь мир
пеленать не спеша,
сказку рассказывать...
Ровно дыша,
все засыпает:
дорога и ночь,
сна даже воздуху
не превозмочь;
камням, и тем
снится то же, что мне;
мне же привиделась
сказка во сне:
бел и ажурен,
как мамина шаль,
снег укрывает
окрестность и даль —
шалью пушистой
окутало всех;
дремлет,
согревшись под нею,
орех,
сам я уснул,
убаюкан зимой...
Встану,—
но сон
не окончится мой!

ЗЕМЛЕ ОТЦОВ

И град тебя хлестал,
и молнии секли,—
 как жизнь, несокрушима,
 стояла ты
 скалой.
Огонь тебя пытал,
тебя нещадно жгли,
 но ты ведь — не пушинка,
 не стала ты золой.
И лед торжествовал,
сковав земную грудь,
 но знала ты: спасется
 от бед не тот, кто сник.
И горе, как обвал,
пыталось захлестнуть,—
 но восходило Солнце —
 и отступал ледник.

Ты верила в Весну —
иначе бы давно
сдалась! А так — ко дну
пойти не суждено...

Дом, что ты возвела,
по свету разнесло,
когда слепая вьюга
завыла,
 сея страх.

Когда спускалась мгла,
к тебе врывались зло
и враг

в личине друга,
и очевидный враг.
Приставив к горлу штык,
пытались одолеть,—

ты выстоять сумела,
ты все перемогла...
Опять твой светел лик,
ты снова хочешь петь,
ты вновь взялась за дело,
за славные дела!

Весна сбылась! И, пот-
рукой смахнув со лба,
ты видишь: вновь цветет
твой сад — твоя судьба...

Балкария моя...
Балкария моя!

ГОЛОСА

«Пусть холод исчезнет»,—
так шепчет мне сад, расцветая.
«Возрадуйся, море!»—
звенит ручеек голубой.
«Пусть жизнь победит»,—
бьется в сердце надежда святая.
«Да сгинут все войны!»—
так требуют память и боль.

И если весна нам поет:
«Пусть весь мир обновится»,—
а солнце:
«Пусть мир улыбнется!»—
зовет с высоты,
скажи мне —
неужто не век этой радости длиться,
скажи мне —
неужто не вечны гора и цветы?!

Не чтобы стать пеплом,
цветы рвутся в мир, прорастая!
Белеет гора не затем,
чтоб обуглиться вмиг...
Покуда жив разум —
жива и надежда святая,
ведь: «Свет вам, о люди!»—
желает нам солнечный блик.

II

ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКО

* * *

1

Задумайся: как эта жизнь горька!
Внушит порою: больше не проснуться...
А то — взметнет копенку бедняка,
а копны богача — не шелохнутся!

2

Задумайся: как эта жизнь странна!
В беду попал — еще одна стучится...
Мороз и с лучших дань берет сполна,
а солнце согревает нечестивца.

3

Задумайся: как эта жизнь мудра!
Всесильная, она дробит и камень.
Она прославит живших для добра,
а живший ради зла — во зле и канет!

БЕЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

В ночи при тихом снегопаде
мне не уснуть.
Как наяву — воспоминанье:
в горах чуть свет
наш тихий дворик просыпался
в снегу по грудь,
и белым облаком казался
весь белый свет.

Я босиком бежал к окошку:
как нет земли!
Снежинки двор преобразили,
плетень, навес...
Мой дедушка в овчине белой,
белей зимы,
лопатою снег сгребал с дорожек —
как стриг овец!

Я вновь в Киргизии далекой,
где всё, как снег, —
где кони белые, козлята,
а очи их,
печальной кротостью чернея,
вмещают век...
Я вижу всё при снегопаде,
что чист и тих.

Теперь и дедушки не стало,
и снег не тот,

и нет коней тех белогривых,
и нет козлят,—
но если снова перед утром
снежок пойдет,
то я сквозь горести и годы
вернусь назад.

Увижу дедушку, что так же
сгребает снег,
козлят увижу белоснежных,
в снегу по грудь,
коней, чьи пристальные очи
вмещают век...

В ночи при тихом снегопаде
мне не уснуть.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Птенец мой, упорхнувший из гнезда,
который день тебя со мною нет!
В любом из слов запрятана беда,
и боль затмила каждый мой рассвет.

Как долго я ждала тебя, сынок!
Какой же ураган тебя унес?
Наверно, дома нашего порог
расколется когда-нибудь от слез!

Невесту я нашла тебе, твердя,
что будет день — растает лед беды...
Но скрылся ты, как капелька дождя
в потоке разгулявшейся воды!

Что, коль в земле остался ты лежать?..
Нет! В это я поверить не вольна!
Осталось мне одно — терпеть и ждать.
Но ниточка надежды — непрочна...

Горела бы не так душа моя,
когда б тебя увидеть хоть разок!
Безропотно сошла бы в землю я...
В какой земле остался ты, сынок?!

* * *

Как равнодушен
звезд
 надмирный свет!
Он ровен, неизменен столько лет...
Никто сияньем звездным не согрет,
в нем —
 страсти нет!

Ваш взгляд, о звезды,
холоден, как лед, —
он ни тепла, ни радости не шлет.
Как беспощадеи
ваш
 прощальный лёт!
Он не дает
ни мига, чтоб желанье загадать —
судьбе, спешащей
 весточку подать...
О чем
 с невозмутимостью совы
молчите вы?

Что утаить
хотите вы от нас?
Зачем
огонь одной из вас погас?
Зачем
еще одна во тьме зажглась?

Что вы такое?! —
спрашиваю вас
в который раз...

Вы —
словно люди скаредной души,
одни гроши
швыряете тому, кто молит ночь
ему помочь!

Вы —
словно дверь, что плотно заперта.
Меж мной и вами пролегла черта...
О, немота!

Когда б друг друга мы понять могли!
Неужто нет средь вас
второй Земли?
Как горек вразумительный ответ:
«Там жизни нет!»

Стою над бездной ночи,
на краю.
Как перед дверью запертой
стою!
Я, звезды, среди вас, не утаю,—
ищу
свою...

На древе моей жизни — по соседству
и сладкие, и горькие плоды.
Приходится в себя вбирать их сердцу
когда ложится иней на сады.

Порой они по милости природы
созреют — всем на зависть! Иногда
сбивает град невызревшие годы
моих друзей — и стонет их звезда...

Тревожен сон: опять ко мне вызывают
те, в чей запев ворвался глас беды.
В душе смятенной горько дозревают
упавшие зелеными плоды...

ПЕЧАЛЬ МОЯ...

*Памяти рано умерших друзей
Хасана и Хусея Мелюхаевых*

1

«Лавины

сходят в солнечные дни», —
как точно мой народ сказал об этом!
Мы все горим, как свечи, но одни —
дотла,
других —
до срока гасит ветром...

2

Ты друга потерял —
я видел боль твою.
Той боли, как своей,
я сердце отворю.
Послушай — козь в твоей
душе достанет сил —
и у меня был друг...
Как страшно молвить:

был!

Он был таким, как все, —
несхожим ни с одним.
Мне дед мой говорил:
«Бывай почаще с ним».
Он взглядом никого

не обижал косым.
Бездетным старикам
он дорог был, как сын.
Любая мать в селе
желала одного:
уж если выдать дочь,
так только за него!
Был взгляд его открыт —
светилась совесть в нем...
Горе подобен, кто
живет с ее огнем!
Мы вместе с ним росли,
но он быстрее рос,
спеша понять, познать
мир солнца,
радуг,
гроз...
Мы рядом с ним росли
и набирались сил.
Мой друг... Он лучше был...
Как страшно молвить:
был!
А ведь тогда — вся жизнь,
казалось, впереди...
Какая чистота
жила в его груди!
Он лучше был, мой друг,—
а кем он мог бы стать!
Огромностью мечты
он небу был под стать...

3

«Находит лучшего беда»,—
так горцы говорят.

Ты не вернешься никогда.
Не расцветет твой сад.
И утешенья в мире нет,
и свод небес — молчит...
Пусть ясным выдался рассвет,
он горя не смягчит!

Мать знала — ты придешь весной,
но каждый день ждала
и комнату для молодой
невестки убрала:
«Отпразднуем его приезд —
и свадьбу заодно!»
Попасть во вдовы из невест
любимой суждено...

И утешенья в мире нет,
и небо — в ряби слез.
Пусть ясным выдался рассвет,
он людям боль принес!

Слепа жестокая судьба!
Ты сбит, как птица, — влёт.
Ту, что любила лишь тебя,
другой в свой дом введет...
«Состарюсь, мне опорой — сын», —
отец твой был бы прав,
но ветер горя
 в миг один
надежд развеял прах.

И утешенья в мире нет,
и небо — в ряби слез.
Пусть ясным выдался рассвет,
он скорбь с собой принес!

Откуда эта злая боль
явилась, как палач?

Мой друг, я разлучен с тобой,
плачь, мое слово,
плачь!

Он умер, он — во власти тьмы...
По кромке,
в брызгах,
вскачь
не пронесемся вместе мы,—
плачь, наша речка,
плачь!

На небе — клочья облаков,
как будто дыбом шерсть...
За годом год —
во тьму веков.
Утрат, потерь — не счесть.

Не счесть беды каленых стрел.
Стеляющий —
незряч...

О тех, кто рано отгорел,
плачь, мое небо,
плачь!

ГОВОРЮ БЕДЕ

Сад твой мертв — даже лютики тут
не цветут,
не цветут,

а на пнях, что черны, как смолье,
голосит воронье.

На дворе твоём стайки ребят
не шумят,
не шалят:

скомкан смех по соседству с тобой,
ты рождаешь лишь боль.

Бросишь тень — но бурьян в ней, и тот
не растёт,
не растёт:

здесь лишь пепел да злая зола,
здесь — ни капли тепла.

Не цвести твоим сучьям, беда,
никогда,
никогда.

ДЕРЕВО

Ты, терпевшее град, ливни, холод и зной,
ты, чьи ветви обломаны бурей шальной,
ты, презревшее тленье, что гибель сулит;
даровавшее тень старику для молитв,
осенявшее мать и ее колыбель,
приютившее посвист, чириканье, трель;
ты, что золото щедро бросало ветрам,
ты, распахнутый каждому лиственный храм,
ты, дарившее почве свои семена,
ты, несущее радость во все времена,
ты, так много во мне объяснившее мне,
ты, о дерево, что зацвело по весне!

Облака шелестят над твоей головой,
змеи молний сверкают, клубясь, над тобой,
воют вьюги, врываясь в твой сон не к добру,
морем плещется крона твоя на ветру;
человек с топором может рядом пройти —
ты надеешься выстоять, выжить, цвести;
много было невзгод, много видело ты,
знало мрак над собой — и простор высоты...
Как могуче ты, дерево предков! И как
велика твоя мудрость в летящих веках!

Ты над миром стоишь, руки к небу воздев,
ты с безмолвною страстностью молишь о тех,
кто от дома вдали и устал от дорог,
чтобы каждый ступил на родимый порог;

чтобы мир не тревожила грома пальба,
чтоб над счастьем не смела глумиться
судьба,—

вот о чем

рук, взметнувшихся в небо,
мольба!

* * *

1

Расплелись — рассыпались — упали
волосы вразлет...
Это — дождь идет.
Осень смотрит в пасмурные дали,
в серый небосвод:
снегопада ждет.

2

Разметались волосы седые...
Это — снег летит,
белизной слепит.
Нынче станут белыми гнедые,—
вьюга ворожит,
снегом порошит.

3

Кто-то, с бородой седою, хочет
всем навеять сон:
сказку шепчет он.
А сугроб: «Не таять мне...»— бормочет,
к ночи наметен.
...Как наивен он!

* * *

В ясные краски солнца
холод свинцовый вклинен.
Кто — новоселье справил.
Кто — потерял очаг...
Это зовется жизнью.
Пламень она и — ливень.
То она — мать родная,
то — беспощадный враг.

Будет ли ближе друга,
бросит на ложный след,—
нам не покинуть круга,
и остановки — нет...

Это зовется жизнью.

* * *

На зеленом приветливом склоне
я заметил заблудших ягнят.
Значит, нынче же быть им в загоне!
Я нашел их — и должен догнать.
Верил я: не сегодня, так завтра
я ушедших найду! Не могли
они кануть бесследно! Внезапно
различил их на склоне вдали.
Сами ноги мои побежали —
как во сне. Я кричал на ходу.
Не щипали траву они — ждали.
Они ждали, что я к ним приду.
Я им нужен. Теперь — не споткнуться!
И с единою мыслью: «Сейчас...» —
я бежал к ним, боясь оглянуться,
я вприпрыжку к ним несясь, боясь,
что поверят: дорога тяжка мне —
и уйдут, и растают, как сон!

...Это были лишь белые камни,
на зеленый возлегшие склон.

*НАДПИСЬ
НА НАДГРОБЬЕ ДЕДА*

Ты жил лишь тем, что сам вскормил
и сам взрастил; ты видел мир,
 знал много бед;
ты жил сто лет —
 и молод был,
 оставив свет.

* * *

Если смех —
значит, где-то и слезы.
Радость чахнет порой
на корню.
Знаю,
глядя на лица, что розы, —
есть другие.
Их — с пеплом сравню.
Да и сам я
живу не иначе —
в том же свете
и в этой же мгле...
Редко — радуясь,
изредка — плача,
я шагаю
по этой земле.

* * *

Х. Батырбекову

Из тьмы — и снова в темноту —
чреде ночей в угоду...
Живу, как в аэропорту
в нелетную погоду.

Ничьих не различаю лиц.
Мне цвет небесный — втайне.
Что делать мне? Осталось лишь
сплошное ожиданье.

Мне не поется ни о чем,
и на сердце — оскома.
Не дома я. А где мой дом —
не знаю. Нету дома.

Я годы в аэропорту
провел — какие годы!
Но — ни ногою за черту,
покуда нет погоды.

Опять откладывают взлет.
Смешон итог стараний.
Туман колышется, плывет...
Живу, как все, — в тумане.

ВЕРЛИБР

Утро.

Город шумит за окном.

Я, полупроснувшись,
слышу по радио передачу — кажется,
о детском садике:

— Я хочу стать летчиком...

— Я хочу стать таксистом...

— Я хочу стать врачом...

— Я хочу стать лошадыю,—

задумчивый детский голос,
в котором звучит понимание
несбыточности мечты и —
необходимости мечтать о несбыточном.
...хохот!

Немедленный хохот.

Торжествующий хохот.

Я встал почему-то.

— Лошадыю? Почему?! —

профессионально улыбающийся голос
ведущей.

— Она большая. Она красивая.

И плавать умеет...

Вновь — хохот!

Сквозь него — тихо, твердо:

—...она умеет летать!

А я все стоял.

Я явственно видел этого мальчика.

Я знал о нем все.

...Так хотелось прижать его к себе,
хоть на время спрятать его от смеха тех,
которые точно знают,
кем они будут.

ПРЕРВАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

И я — уйду? Немыслимо! Как дед...

И солнце не дотянется вослед.

Выходит,

 смысла не было и нет
в чередованье радостей и бед?!

Понять хочу — зачем явились мы —
страдать,

 искать вслепую путь из тьмы,
бороться с ленью, с холодом в груди
и верить: всё, что ищем,—
 впереди?!

А впереди — закрытые глаза!

Душа взлетит — назад уже нельзя:

земля — дробинка, бусинка, слеза...

Так вот что там — закрытые глаза!

Хочу понять:

 как можно зачеркнуть
в одно мгновенье — целой жизни путь?
Мы рождены затем, чтоб умереть,—
но почему порой не верим в смерть?

Где буду я, когда навек уйду,—
трава взметнется, яблони в саду
омоет дождь,

 за дальнюю гряду
уйдет луна,— а я —
куда уйду?

Где буду я?

Миг жизни краток, слаб...

Сын просит:

«Нарисуй мне лошадь, пап...»

ЕЩЕ ВЕРЛИБР

Моя бабушка
язычницей была.
Она говорила:
«У каждого человека на земле
есть двойник —
дерево».

...Когда валится дерево,
мне кажется — падает человек.
Ветку ломают — мне больно:
чью-то душу
сгибают и мнут,
чью-то душу
терзают...

Не могу я в лес ходить с топором.
Не люблю я топор.

Чтоб достигнуть ее,
я, под стать скалолазам,
за ступенью ступень прорубаю свой след.
Я взойти на вершину судьбою обязан!..
Одолею?
Взойду ли? —
Неведом ответ...

III

СЛОВА ТЕБЕ

* * *

Рае

Под плеск дождя мне вспомнится опять,
как всякий раз теряла ты зонты.

А ляжет снег —

я буду вспоминать
на нем твои летящие следы.

И листопад — для памяти подвох:
ты так любила опалью бродить...

На вербу гляну —

твой услышу вздох,
сумев, как ты, в слух зренье обратить.

Рассвет займется — вспоминаю, как
твой взгляд спросонья долго узнавал
меня и комнатенки полумрак
(я только к снам тебя и ревновал).

Сгустится ночь —

мне вспомнится о том,
как за полночь я все не мог уснуть,
боясь тебя, как птицу, в темный дом
случайно залетевшую, —
вспугнуть.

...Когда бы мне ту птицу понимать!
Одно теперь осталось —

вспоминать.

СЛОВА ТЕБЕ

Мой стих, что для тебя лишь родился,
порой болит, как саднящая рана.

Порой,

как мимолетная роса,
слова мои растают утром рано...

Какие они разные —

слова,

рожденные и умершие ради
того, чтоб ты осталась в них жива...
Неисчислимы слов погибших рати!

Проходит все — но дума о тебе,
как облако,

за годы зацепилась,
неведомые мне в твоей судьбе,
сулящие — возмездие ли? милость?

Душа моя —

как птица без пути,
не видящая места для ночлега:
в крошечной тьме

ни ветки не найти...

А волны дней никак не сдержат бега!
Чреда ударов истончает нить
заветных дум...

Почти прощаюсь с сушей!

Неужто мне вот так всю жизнь и жить —
как дереву, бессильному пред стужей?

Когда бы вы мне в сердце заглянули,
расслышав его крик, его молчанье,—
испуг ваш был бы смешан с удивленьем:
так много в нем и радости, и боли,
так много в нем провалов и вершин.

В нем с неосуществленными мечтами
соседей мечты вне плоти слова;
в нем страсть живет бок о бок с безучастьем,
в нем столько красок, граней, полюсов...

С годами мое сердце тяжелеет.
Не лишь росой, не только родниками
оно благословляюще омыто,—
его питают мертвенность и затхлость
стоячих вод
чужих и чуждых душ.

Но часть его твоим теплом согрета,
всегда чиста, как воздух, и прекрасна.
Там — грустный взгляд и тихая улыбка...
Беспомощна, всеильна и нетленна
та часть души, в которой ты живешь.

Ты часто мне все сердце заполняешь,
его глубоким делая и мудрым;
тогда в нем расстилаются поляны,
щебечут птицы и цветут деревья...

Увидь вы мое сердце в это время,
вы, верно, полюбили бы его.

Когда же ты скрываешься в свой угол,
душа моя в погоне за тобою
с дыхания сбивается, хрипя!..

В иные дни сомнения минуют,
все делается явственным и ясным,
и, как родник, до камушка прозрачно,
всех сердце мое жаждет напоить.

Оно ведь знает: смысл его явления
из тьмы небытия — и смысл страданий —
и смысл того, что, мучась, оно бьется,—
в единственном:
кому-то нужным быть...

* * *

«Люблю тебя»,— признался я заре —
ее ответ был жаворонка пеньем.
Я дерево погладил по коре:
«Люблю!» — оно ответило цветеньем.
«Люблю тебя»,— речушке я сказал —
она, обдав прохладой, зажурчала.
«Люблю!»— кричал я скалам. Эхо скал:
«...люблю... люблю...»— протяжно отвечало.
«Люблю»,— шепнул я ветру, и в ответ
донесся запах трав в дыханье ветра.
«Люблю»,— тебе промолвил я — но нет
ответа мне, все нет и нет ответа.
Я не ропщу, не жалею — одна лишь
томит загадка: больше, чем весь свет,
тебя люблю — а ты не отвечаешь.

Нетрудно этот голос различить:
«...люблю»,— скала мне эхом отвечает,
«...люблю»,— мне речка быстрая журчит,
«...люблю»,— ветвями дерево качает,
«...люблю»,— мне, обнимая, шепчет ветер.
Повсюду этот голос, чист и светел...
Нет! Ты молчишь — и все вокруг молчит.

Книга лежит предо мною.
Беру ее в руки,
долго листаю,
напрасно листы теребя...
Нет, не читается мне!
Не возьму себя в руки:
в доме напротив
окно озарилось, рябя.
Там, за окном,—
мое зренье, мой слух, мои руки;
имя твое повторяю —
и вижу тебя.

Вот ты вошла —
задохнулся от этого мига!
Вот — улыбнулась
улыбкой, знакомой давно.
Тень от ресниц твоих
здесь мое зренье настигла:
ты их смежаешь —
и мне на мгновенье темно...
Передо мною —
раскрытая умная книга.
В доме напротив
твое озарилось окно.

* * *

Любовь закрыла мне глаза.
Быть с нею — зрения дороже.
Ей не довериться нельзя,
я шел безропотно...

И что же?

В пустыню взмахом гневных крыл
меня забросила —

и скрылась!

Без удивленья я открыл,
что утро — в вечер превратилось.
Куда я шел?

Зачем я шел?!

Ступал по углям раскаленным
босой незрячею душой...

Так вот где он —

приют влюбленным!

Вот где он — в выжженной земле,
что пересохшими губами
о влаге молит в знойной мгле —
бесплодно,

горестно,

годами...

Здесь — ни росы, ни облаков
и ни намека на прохладу...

Пылают тени простаков,
любовью пригвожденных

к аду!

Во что им веровать теперь?

Что солнца отроду не ждали
и в неба запертую дверь
лишь с просьбой о дожде стучали!

СЛОВО — КАМЕНЬ

Я впопыхах неловко бросил камень.

...День потускнел, и в мой притихший дом
размеренными тяжкими шагами
явилась ночь — вся в трауре глухом.

Она устало села у порога
в надежде услышать о той стране,
куда ее холодная дорога
не приведет ни въяве, ни во сне.

О чем я мог поведать? Что утрата
свежа в душе? Но что ей за беда!

(Ах, слово,— конь, не знающий возврата!

Ты друга прочь уносишь навсегда...)

Поймешь ли, ночь, что слово утонуло
не в той воде, стремглав пойдя ко дну?

(Тень на стене — понура и сутула:
я сам его швырнул не в ту волну!..)

Поймешь ли, ночь, что снам не повториться?

Поймешь ли, почему так долго нет
рассвета — и не скрипнет половица
в дому, что был и светел, и согрет?

...Как много ты наделало худого —
неловко,

камнем

брошенное слово!

★ ★ ★

Как мог я те слова произнести?!
Зазубренные, грубые, как камень,
они тебя поранили... Прости.

Как мог я мудрость дедову забыть? —
«Имеет слово плоть, судьбу и память.
Ударишь им — тебе же биту быть».

Слова ко мне вернулись. Жизнь пресна.
Днем солнца нет, а ночью — не до сна...

НЕ УХОДИ

(«Как много дней безбрежного бессилья
ты принесла мне, властна и горда!

Но ты моей душе дарила крылья...»)

— Я слышал,

ты

выходишь замуж?

— Да...

(«Бежишь! Исчезнут крылья за плечами...

Но нет — любовь становится судьбой.

Она, как ветер,

с плачем

и в печали,

последует повсюду за тобой.

И, снегом став, у твоего порога

расстелется

и таять будет...»)

— Что ж —

ступай!

Но, если вновь сведет дорога,

не делай вида, что не узнаешь...

Так, значит, тыходишь замуж?

— Замуж...

(«Мне без тебя — ни искры впереди.

Меня — в засохшем деревце узнаешь,

в колодце без воды...»)

...не уходи!

❧

* * *

Дары, что ты с собою принесла,—
та изморозь, что на висках не тает,
да боль, что сердце сетью оплела,
да взгляд, что в темной пропасти витает,—
вот те дары, что ты мне принесла.

Дары, что ты с собою принесла,—
мой голос, от холодных слов охрипший,
и ум, забывший тайны ремесла,
и плач безмолвный по надежде, бывшей
цветущим садом, выжженным дотла.

Дары, что ты с собою принесла,—
то воронье, что на ветвях повисло
в саду, где почва — пепел и зола...
Я не вспашу следы твои. Нет смысла:
здесь лебеда, и та бы не возшла.

ПРИТЧА

Такой уж нынче день
в моей судьбе,
что притча мне припомнилась...

Один

несчастный, оступившись на тропе,
сорвался вниз —
и в пропасть угодил.

А там земля
мертвым-мертва была.
Чему тут удивляться — ведь вовек
она не знала
света и тепла...

Кричал,
хрипел
и плакал

человек,
но — тщетно...
И тогда он возгласил:
«О боже милосердный!

Как ты мог
явить меня на свет
совсем без сил?!

Неужто так
замыслил ты,
о бог?..»

«Да,
эта пропасть для тебя —
тюрьма,—

спокойный голос
рядом прозвучал,—
но я тебе
 довольно дал ума,
чтоб ты от тверди
 бездну отличал...

Наверное,
рассказана со зла
та притча,—
говорю я сам себе.—
В ней не найти ни света,
ни тепла...»

Такой уж нынче день
в моей судьбе.

* * *

Своей тоскою по тебе
делюсь с ночами — не до сна...
В рассветах — грусти желтизна.

Печаль дневную о тебе
деревьям выскажу едва —
с них сыплет желтая листва.

Свою тревогу о тебе
в костер заката зашвырну —
и в нем замечу желтизну...

Желта, желта моя печаль!

* * *

Спеша с мороза
к свету и теплу,
усталая,
войдешь в холодный дом,
где, печь не растопивши, как на грех,
стен не согрев,
сiju я и пишу стихи о том,
как я тебя люблю.

* * *

Я о тебе слагал стихи —
но в них лишь тень твоя осталась.
Сравнения — такая малость!
Ты ускользаешь из строки.

Подчас с весенним утром ты
так схожа, что одним лишь взглядом
мне помогаешь сладить с ядом
сомнений, страхом пустоты...

А то, ответив невпопад,
ты исподлобья хмуро глянешь,
и на словах — морозный глянец,
в душе бушует листопад...

Я о тебе пишу стихи,
но ты лишь тенью в них витаешь...
Но вот ты дверь мне открываешь
и все сравненья — пустяки!

* * *

Себя в тебе
нашел ли я?
Не знаю.

Вот говорят:
«На молоке ожегся —
на воду дует».
Это — обо мне.

Люблю —
но словно дую...
на родник!

★ ★ ★

Я вышел в сад сегодня на рассвете —
и вдруг услышал яблоневый смех.
Ах, яблоня, — как дерзко ее ветви
цвет выбелил — как будто выпал снег!

О дни мои! Года надежд и жажды!
Вам будет ли, скажите, суждено
цвести вот так же трепетно однажды,
как ныне этой яблоне дано?

Займете ли вы в мире ваше место,
удастся ли кого-нибудь согреть?
О, помыслы, наивные, как детство, —
исполнитесь ли вы хотя б на треть?

Град, пощадишь ли ты мою мечту —
доверчивое дерево в цвету?..

СОДЕРЖАНИЕ

Луна	5
----------------	---

I

ВСЁ — РЯДОМ

«Люблю свою землю...»	9
«Ты от огня ли родом, человек...»	10
«Как со скалою дерево несхоже...»	11
Слово	12
Три далеких голоса	14
«Ходили по земле, людьми считаясь...»	15
Побудь со мною, детство...	16
«Горец!»	18
Только верить умеи	19
Две картины	22
«Во дворе — весна, многоголосье...»	23
Песенка мальчика	24
Городские деревья	26
«С улыбкою заснув, проснешься с болью...»	28
Родной язык	29
Жалоба сына	30
Слова старого соседа	31
Круг	33
Облако	35
Снежная сказка	37
Земле отцов	38
Голоса	40

II

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКО

«Задумайся: как эта жизнь горька!»	43
Белое воспоминание	44
Плач матери	46
«Как равнодушен...»	47
«На древе моей жизни...»	49
Печаль моя...	50
Говорю беде	54
Дерево	55
«Расплелись — рассыпались — упали...»	57
«В ясные краски солнца...»	58
«На зеленом приветливом склоне...»	59
Надпись на надгробье деда	60
«В тишине тает снег...»	61
«Если смех...»	62
«Из тьмы — и снова в темноту...»	63
Верлибр	64
Прерванные размышления	66
Еще верлибр	68
«Я по жизни шагаю...»	69

III

СЛОВА ТЕБЕ

«Под плеск дождя мне вспомнится опять...»	73
Слова тебе	74
«Когда бы вы мне в сердце заглянули...»	75
«Люблю тебя...»	77
«Книга лежит предо мною.»	78
«Любовь закрыла мне глаза...»	79
Слово — камень	81
«Как мог я те слова произнести?!»	82
Не уходи	83

«Дары, что ты с собою принесла...»	84
Притча	85
«Своей тоскою по тебе...»	87
«Спеша с мороза...»	88
«Я о тебе слагал стихи»...	89
«Себя в тебе...»	90
Я вышел в сад сегодня на рассвете...»	91

Абдуллах Мустафаевич Бегиев

СЛОВО

С т и х и

Редактор

А. С. Кайданов

Художественный редактор

В. Л. Захохов

Технический редактор

С. А. Мусукаева

Корректор

Л. Т. Юркова

ИБ № 1791

Сдано в набор 04.06.86. Подписано к печати 31.07.86.
Ч01931. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 3,51. Усл. кр.-отт. 3,62. Уч.-изд. л. 2,32. Тираж
1000 экз. Заказ № 4195
Цена 25 коп.

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Госкомиздата КБАССР

Нальчик, проспект Ленина, 33

Бегиев А.

Б 374 Слово : Книга стихов/Пер. с балк.
Г. Яропольский.— Нальчик : Эльбрус,
1986.— 96 с.

25 к. 1000 экз.

В книгу балкарского поэта, впервые издающегося на русском языке, вошли стихи о родной земле, о любви, о духовной красоте человека.

Б 4702100000-082
М 125(03)86 56-86

С(Балк)2